

<...> Бабушка по материнской линии, Анна Кирилловна Мединская (урождённая Пенская), родом с Украины. Она родилась в 1866 году в Каменецк-Подольском.

Семья у Кирилла Пенского, отца Анны, была большая, Анна старшая. Отец служил присяжным поверенным (адвокатом). Когда его спрашивали, какое приданое он даст дочерям, он говорил: «Я постараюсь дать им хорошее образование...».

Анна поступила в Киевский институт благородных девиц, куда принимали девочек



*Анна Кирилловна Мединская (Пенская),
бабушка по материнской линии Евгении Ершовой*

дворянского происхождения. Впрочем, Пенский был всего лишь надворным советником (в чине 7 класса), на государственной службе.

<...> Находясь ещё в институте, Анна Пенская, помимо общего образования, стала пепиньеркой (от франц. <periniere> – питомник, рассадник – в дореволюционной России: девушка, окончившая среднее закрытое учебное заведение и оставленная при нём для педагогической практики). В Институте существовали специальные педагогические классы для подготовки будущих гувернанток, наставниц.

При окончании института Анна Пенская была награждена томиком стихотворений любимого немецкого поэта Фридриха Шиллера – с великолепными иллюстрациями «Schillers Gedichte», изданным готическим шрифтом в Лейпциге. Книга была в кожаном коричневом переплёте с золотым обрезом страниц, с виньетками, а форзацы – белые муаровые с тиснёнными узорами.

<...> Бабушка была украинка. Она прекрасно знала украинскую культуру, напевала украинские народные песни (я помню: когда что-то вязала или вышивала). Она мне вышила, как тогда говорили, малороссийско-украинский костюм. К нему была огромная связка бус, вышитый платочек и пр. Но бабушка никак не могла достать у нас, в Ашхабаде, красные сапожки.

Анна Кирилловна ценила свою национальную культуру, при этом прекрасно знала мировую литературу, и прежде всего русскую, часто читала наизусть огромные отрывки из «Сказок» Пушкина и «Евгения Онегина», очень любила Некрасова, перечитывала по многу раз Льва Толстого...

Её русская речь была безупречной. И, тем не менее, она никогда «не ленилась» в спорных случаях посмотреть в словарь.

<...> После окончания Института Анна Пенская получила удостоверение, разрешавшее ей открыть прогимназию – смешанное учебное заведение для младших классов.

Однако это осуществилось значительно позднее. Чтобы поддержать материально семью Пенских, старшая дочь Анна уехала в качестве гувернантки-наставницы детей богатого украинского, как теперь говорят, предпринимателя в Туркестан.

Там она вышла замуж за Константина Викторовича Мединского, тоже родом из Каменец-Подольского. После замужества, она с мужем оказалась в древнем поселении бронзового века Чусте, позднее ставшем городом. Общась с местным населением, – узбеками «пополнила свой языковой багаж» и стала говорить по-узбекски.

Анна Кирилловна учила детей и женщин, кроме того, русскому языку, узнала много рецептов узбекской кухни; лечила, показывала, как варить варенье и т.д.

Её муж, Константин Викторович Мединский, переменял по службе ряд мест Туркестана.

Только в Фергане Анне Кирилловне, наконец, удалось открыть прогимназию (учебное заведение для начальных классов). У нас в семье сохранилась истлевшая газета «Ферганская жизнь», где под рубрикой «Театр и музыка» была опубликована обширная рецензия «Детский вечер». В ней говорится об устроенном А.К. Мединской благотворительном детском вечере, который «надолго остался в памяти не только детишек, но и взрослых. От него светло детским душам, от него радостно на сердце родителей» (Ежедневная газета «Ферганская жизнь» за 1916 г., год изд. 2-й, с. 3).



Константин Викторович Мединский и Анна Кирилловна Мединская (Пенская), дед и бабушка по материнской линии Евгении Ершовой. Туркестан, конец XIX в.

В ночь на 6 октября 1948 года в Ашхабаде произошло катастрофическое землетрясение. Мы с бабушкой спали в одной комнате. Обрушились стены и потолок. «Спасли» стоявшие рядом с кроватями шкафы и металлические спинки кроватей. Но травмы у бабушки были очень тяжёлые. Её вытащили не сразу: помогли соседи (разных национальностей!).

Бабушка лежала на огромном ватном узбекском одеяле, сложенном в несколько слоёв – оно и помогло поднять её на поверхность.

Ночи были уже холодные. Нашли крышу от детского домика, который она когда-то, в 1920-е годы, заказывала для своего детского садика. Теперь эта крыша пригодилась!

Бабушку мучили сильные боли. Тем не менее, она старалась отвлечь внука Коку и других детей, которые сидели рядом с ней, – рассказывала им сказки, читала стихи.

Тяжело раненные и больные подлежали эвакуации – так сообщила обходная бригада врачей. Решили отправить в Ташкент, где жила её младшая дочь, Наталья Константиновна. Но в воздухе самолёт изменил курс (Ташкент больше не принимал пострадавших – всё было переполнено).

К 80-ти годам бабушка сильно сдала физически. Сказался возраст, тяжёлая в 1920-е – 1940-е годы, как и у многих, жизнь, но ум и память у неё оставались ясными. Она была прекрасной собеседницей.

Не получая пенсии, бабушка старалась поддержать семью Ершовых – старшей дочери Ольги, у которой она жила в Ашхабаде. Если удавалось, давала уроки немецкого и французского, шила, вязала, а главное, – занималась с отстающими по русскому языку – «из неграмотных делаю грамотных».

<...> В начале 1948 года бабушка, вставая с кровати, упала на коврик – перелом шейки бедра. Лежала в больнице и всё говорила: «Мне уже больше восьмидесяти, а в больнице лежу в первый раз: даже рожала дома!»

На удивление врачей кости срослись. А через несколько месяцев – инсульт. Но что значит сила духа: она начала ходить, сохранила речь.

Наталья Константиновна с сыном – подростком обходила в Ташкенте все больницы, госпитали и даже школы, где были размещены раненные, но безрезультатно. Мы ничего не могли узнать о бабушке.

После многочисленных запросов наконец выяснилось, что эвакуированные из Ашхабада находятся в предместье Баку, Мардакяны. Об этом узнал через Москву муж Натальи Константиновны, подполковник Владимир Андреевич Сапегин, но было уже поздно: бабушка скончалась 4 ноября 1948 года.

Николай Евгеньевич Ершов, мой отец и моего младшего брата Николая, родился в Москве 1 июля 1899 года. Он был потомственным москвичом, из разночинцев. Матери, воспитывавшей троих детей, удалось бесплатно отдать его в классическую Поливановскую гимназию на Пречистенке.



Николай Евгеньевич Ершов. 1915 г.

ствовал в реставрации скульптурных изображений на стенах Храма Христа Спасителя. Эта почётная работа была возложена на известного российского скульптора Сергея Михайловича Волнухина.

<...> Очень жалею, что не просила специально рассказывать отца о его молодости и жизни в Москве. Помню одну из его реплик: «А я ведь какое-то время работал у Ханжонкова...». «Кем?», – спросила я. «Тапёром – сопровождал показ немых фильмов, импровизировал...»

<...> Ещё в гимназии, в старших классах, отец занимался репетиторством. После окончания гимназии он поступает в Лазаревский институт восточных языков, основанный в 1815 году (первоначально «Лазаревское армянское училище»). Однако моему отцу окончить Лазаревский институт не пришлось.

Перед Первой мировой войной он работает в Москве, а затем в Вологде по контролю за перестройкой железнодорожной линии Вологда – Архангельск.

Живя в Москве, отцу всё время приходилось «подрабатывать». Продолжал давать частные уроки по гуманитарным предметам. Он прекрасно рисовал и лепил. С гордостью говорил, что уча-

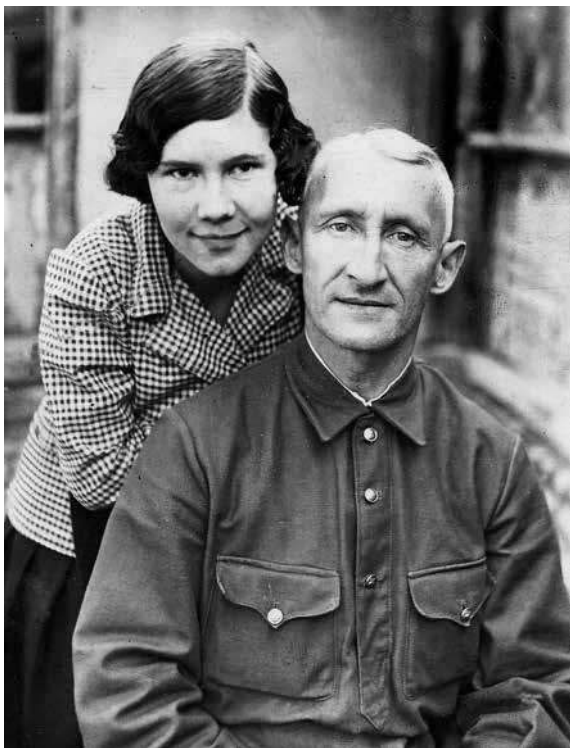
В 1915 г. отец был отправлен на Западный фронт. Он являлся ратником ополчения 2 разряда. Был тяжело ранен в ногу. От ампутации удалось спасти. Помню у него огромный шрам, не меньше 10 см., сбоку, ниже бедра.

Находясь на Севере, папа был очень дружен с Барклаем, как он называл своего товарища, потомка Барклая де Толли, знаменитого русского фельдмаршала, который в Отечественную войну 1812 года был главнокомандующим русской армией, а позднее – фактически всеми действовавшими русскими армиями.

<...> В 1922 году отец был откомандирован в распоряжение НК РКИ Туркеспублики в Ташкент. Рапорт о прибытии туда, столицу Туркестанской республики, помечен августом 1922 года, но вскоре отца переводят в Народный комиссариат юстиции как юриста-практика на должность помощника прокурора.

11 сентября 1923 года Николай Евгеньевич Ершов женился на Ольге Мединской. Она жила тоже в Ташкенте с матерью, сестрой и двумя братьями.

Ольге было тогда 22 года, а Николаю – 34. Несмотря на, казалось бы, высокий пост жениха и его служебные заслуги, никакой свадьбы практически не было. Для регистрации брака позвали старьевщика (они ходили по дворам – «Стайобиром!») и продали мамину поношенную шубу.



Николай Евгеньевич Ершов с дочерью Женей. Ашхабад. 1940-е годы

Ольга поступила в Туркестанский университет – хотела изучать восточные языки, как когда-то Николай. К тому же и она, и её братья знали разговорный узбекский (у Оли была кормилица – узбечка), но учиться дальше не удалось. Молодые поселились в комнатке на Шахриязьбской улице в частном доме, в общей квартире. Готовили обед на примусе.

В августе 1924 г. на свет появилась я. Мой брат родился значительно позже, в Ашхабаде: он на 13 лет младше меня.

Семье предстоял отъезд. 27 октября 1924 года произошло (по старой того времени юридической терминологии) национальное государственное размежевание Средней Азии. Было принято решение об образовании Узбекской

ССР и Туркменской ССР. (Статус на подобном уровне других среднеазиатских республик и Казахстана определялся позднее).

Отца переводят в столицу союзной республики – тогда этот город назывался Полторацком (до 1919 г. – Асхабад, а затем до 1927 г. – Поторацк, ныне – Ашхабад). Отец был назначен помощником прокурора Верховного суда Народного комиссариата юстиции, как и в Ташкенте, но уже НКЮ ТССР.

С нами поехала и бабушка Анна Кирилловна: ведь я была её первой внучкой. Нам дали квартиру у частного домовладельца, но по государственной цене.

К своей работе в Верховном суде отец, как всегда, относился очень ответственно. Он всю жизнь был беспартийным, но с ним считались, зная его большой опыт и добросовестность.

Отец работал с 7 часов утра до поздней ночи. Бабушка шутила: «Он соревнуется с уборщицами, кто придёт на работу раньше...».

Он организовал юридическую службу, готовил необходимые материалы, участвовал в подготовке документов для 1-го Всетуркменского съезда Советов, который состоялся 15-24 февраля 1925 года. Участвовал в разработке Конституции ТССР.

<...> Пятнадцать лет, до конца своих дней, папа проработал в аппарате Президиума Верховного Совета ТССР. Он умер в 63 года. Похоронен на старом – Никольском кладбище в Ашхабаде.

Мама, Ольга Константиновна Ершова (урожд. Мединская), была полной противоположностью папе по характеру. Спокойствие, скрытое проявления эмоций тем не менее не позволяют отнести её характер к флегматическому типу (по классической классификации темпераментов), а считать результатом выдержки и воспитания: ведь её мать, Анна Кирилловна, была удивительным педагогом, последовательницей Л.Н. Толстого.

Мама родилась в 1901 году в Намангане, 24 июля (по старому стилю – 11 июля, в день Святой Ольги).

По желанию её матери, Анны Кирилловны, Ольга поступает в тот же институт – Киевский институт благородных девиц. Последний год её обучения, как указывается в выданном аттестате, – 1917/18 уч. год. Вернувшись домой, она оканчивает ещё советскую среднюю школу (тогда ещё гимназию) в Коканде.

После окончания работает педагогом-воспитателем на различных детских площадках и в детском клубе – всюду с хорошими характеристиками.



Ольга Константиновна Ершова (Мединская), мама Евгении Ершовой. Ташкент. 1920-е годы.

<...> Ашхабад моего детства – одноэтажный. Дома из сырцового кирпича, с плоскими крышами, преимущественно частные. На окнах – ставни от жары.

Булыжником вымощены только главные улицы, остальные дороги – в пыли по щиколотку.

Много деревьев: гледичия, шелковица (тутовник), айлантус (в просторечии «вонючка»), местами – платан (чинара). На улицах почти нет цветов.

Но во дворах – много, особенно роз. Почти в каждом дворе фруктовые деревья и виноградник.

<...> Мы жили на улице Крымской (ныне Алишера Навои), всего в квартале от железнодорожных путей. У нас в квартире до середины 1930-х гг., как и в подавляющем большинстве других домов, не было ни водопровода, ни электричества.

Водопровода не было и во дворе. Воду для питья и готовки еды привозил водовоз, причём не каждый день – воду берегли: говорили «живём в пустыне».

А для полива, стирки (после отстаивания) и других нужд пользовались арычной водой, за пуском которой по арыкам строго следили мирабы.

Когда наступала очередь нашего квартала, во дворе происходило необычайное оживление. Каждая семья – от мала до велика, – старалась набрать побольше воды, а у нашего хозяина был даже в земле специальный подвал-резервуар для воды.

Я помню, как в середине 1930-х гг. у нас в квартире «проводили свет». Но электрическое освещение тогда работало с большими перебоями. Керосиновые лампы и «коптилки» всегда были наготове.

Другая бытовая проблема была связана с протекающими крышами. Домов под железными крышами в Ашхабаде было очень немного (а о каких-либо других видах кровли тогда понятия не имели). У нас в семье, как и в других семьях, заранее откладывались деньги на осень, чтобы «мазать крышу».

Приходили два-три человека смазчиков, которые на земле размешивали глину с саманом (соломой), разминали всё ногами, а затем в ведрах, на верёвке подавали на крышу. Смазывали крыши каждый год.



*Ольга Константиновна Ершова (Мединская)
с дочерью Женей. Ашхабад. 1925*

Начинались дожди. Очень актуальным был вопрос: «У вас ещё не течёт?».

Но эти ежегодные смазки накапливались слой за слоем и имели для некоторых трагические последствия. Люди задохнулись во время землетрясения 1948-го года под толстыми слоями покрытия крыши, оказавшись погребёнными заживо.

<...> Самые яркие воспоминания детства связаны с бабушкиным детским садом.

До отрочества я была единственным ребёнком в семье. И бабушка, Анна Кирилловна, решила открыть детский сад. В 1920-е гг. юридически это было вполне допустимо (регистрация, налоги и пр., и пр.).

Собственно говоря, это была скорее группа из 10-12 детей; из них две-три девочки не только принимались бесплатно, но бабушка с мамой кормили их так же, как остальных, шили им фартучки, делали подарки к праздникам и т.д.

И у бабушки, и у мамы были соответствующие документы о педагогической подготовке и опыт работы с детьми. Отец одного из мальчиков был врачом и регулярно осматривал детей. Никакого «подсобного штата» не было — всего одна помощница, которая помогала маме готовить горячие завтраки, убирать, мыть посуду и пр.

Но главным, конечно, являлась педагогическая работа. У Анны Кирилловны была своя система обучения и воспитания малышей в игровой форме.

Так, я научилась читать, когда мне не было и трёх лет, вместе с другими детьми (они были старше меня, преимущественно пяти-шести лет), рисуя буквы на песке, выкладывая их из камешков, вырезая и раскрашивая слоги и т.д.

В детском саду устраивались костюмированные инсценировки (при этом сценарии писала Анна Кирилловна), проводились различные конкурсы: разгадывание загадок, ребусов, придумывание сказок, театральные костюмированные представления и т.д.

Большое внимание уделялось декламации: на правильность не только в логопедическом аспекте, но и выразительность речи детей.



Женя Ершова. Ашхабад. 1928



Женя Ершова в малороссийском костюме. Ашхабад. 1930-е годы. Этот костюм сшила внучке бабушка Анна Кирилловна Мединская (Пенская), родом из Малороссии

народа, каждого человека. Анна Кирилловна считала, что практическая сторона обучения языку (речи) не должна сводиться к заучиванию правил.

В Предисловии к «Весёлой грамматике для малышей» бабушка призвала к тому, чтобы «не задавать уроков по грамматике», а подчёркивала, что «весёлая, живая, плодотворная работа в классе должна развивать зрительную, слуховую, моторную и логическую память». При обучении следует «развивать внимание детей, приучать ребёнка пристально всматриваться в написание каждого слова».

Для развития различных трудовых навыков она заказала сборный «детский домик» из фанеры с раскладывающимися крышей и стенами на крючках, открывающимися застеклёнными двумя окошечками и дверью, через которую мог войти нагнувшись даже взрослый человек. Домик был переносным.

Дети, а в группе были и шестилетки, с удовольствием сами занимались уборкой: мыли стёкла в окошечках, подметали маленькими вениками, расставляли посуду из кукольного сервиза и т.д. Жаль, что не было небольшого самоварчика.

Девочек постарше приучали понемногу шить кукольные платья и вышивать, и вязать.

У бабушки была прекрасная педагогическая библиотека, и прежде всего исследования великого русского педагога К.Д. Ушинского по педагогической антропологии, роли труда в психическом и воспитательном значении. Он автор знаменитых учебников, посвящённых родному слову.

Разделяя идеи Л.Н. Толстого о духовно-нравственном развитии, Анна Кирилловна, конечно, опиралась на знаменитую «Азбуку», «Родное слово», «Русские книги для чтения», журнал «Ясная Поляна» и др.

<...> Анна Кирилловна стремилась установить большую преемственность в обучении и воспитании детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Особое внимание на всех ступенях обучения она придавала работе над словом, говоря, что язык – это лучшее выражение духовной жизни



Детский сад Анны Кирилловны Мединской (Пенской). В окне фанерного домика 2-я слева – Женя Еришова. Ашхабад, улица Крымская. 1930

<...> Между тем приближалось Рождество. Родители интересовались, будет ли ёлка. В эти годы, как известно, «ёлки» были запрещены. Анна Кирилловна загадочно улыбалась, но никаких приготовлений заметно не было.

Запрет Праздника ёлки проходил тогда под девизом «Сохраним леса». Ведь никаких синтетических ёлок тогда, естественно, не было.

Но бабушка готовилась по-своему.

И вот в назначенный день в большой комнате квартиры родителей Муси и Арамчика Джангириянц (Арамчик погиб во время землетрясения 1948 года, а сестра долгие годы работала врачом) собрались родители в ожидании чего-то неизвестного. Дети были в соседней комнате.

Посередине большой комнаты стояла подставка, видимо, как думали родители, для ёлки.

Бабушка села к роялю и заиграла.

Из смежной комнаты вышла «ёлка» – моя мама. На ней было длинное зелёное платье, увешанное ёлочными украшениями, на лбу – большая ёлочная звезда, а на распростёртых руках, обтянутых зелёными лентами, прикреплены длинные линейки, в проделанные отверстия которых вставлены ёлочные свечи.

Когда из соседней комнаты выпустили детей, они проявили мгновенную находчивость: захлопали в ладоши и закуружились в хороводе.

Все были довольны. Единственный, кто остался недоволен, как шутила потом Анна Кирилловна, был мамин муж, мой отец, который ревниво отнёсся к восторженным взглядам мужчин – им понравилась «живая ёлка».

1929 год. В детском саду праздновали 1 Мая. Вечером проходили выступления детей, а потом тут же, на площадке, пили чай. Родители за большим столом, дети – отдельно: кто постарше разливали чай и «руководили» угощением.

И вдруг – землетрясение.

Хотя мне не исполнилось ещё пяти лет, я запомнила, как одной матери стало дурно, и её повели под руки на проезжую часть улицы.

Помню и свои ощущения: я упала с детского плетёного креслица, а затем встала на четвереньки, растопырив ладони, чувствуя, как под ними дрожит земля...

Уже взрослой я прочитала в подшивке центральной газеты республики «Туркменская искра» за 1929 г. следующее сообщение: *«1 Мая, в 19 час. 23 мин. произошло землетрясение. Толчки продолжались около минуты. Многие дома дали трещины. Особенно сильно пострадала персидская часть города, отличающаяся крайней непрочностью строений. Зарегистрировано 76 домов с серьезными повреждениями, 169 – с мелкими, 6 домов разрушено полностью...»*

(«Туркменская искра», 1929, 5 мая).

Хотя толчки, кажется, не повторялись, все мы, гости и наши соседи, как и жители соседних домов, довольно долго, как рассказывала мама, стояли на проезжей дороге, опасаясь, как бы не рухнули здания. В квартире кое-где в стенах были трещины.

<...> В школу я поступила в 1933 году, сразу в 3-й класс. До этого занималась дома с бабушкой по действующим программам.

Это был редкий случай, чтобы ребёнок учился дома. В августе предстояло собеседование. Я так волновалась, что когда проверка знаний закончилась, у меня поднялась высокая температура. Комиссия определила: по уровню подготовки я гожусь сразу в 4-ый класс. Но по возрасту мне следовало быть во 2-ом. Тогда в 1-ый класс принимали детей с 8-ми лет.

Решено было отправить меня в 3-ий – я и так оказалась младше всех в классе.

Школа №1 имени К.Д. Ушинского, где мне предстояло учиться, считалась лучшей в Ашхабаде. Она находилась недалеко от нашего дома в одноэтажном здании.

Как ни странно, в начальных классах тогда было несколько учителей.

Русский язык преподавала Евгения Петровна Гладнева. Её все любили. Очень ласковая, часто читающая нам стихи. Она одна растила своего маленького сына Юрочку, водила его с собой в школу. Он тихо сидел на всех её уроках.

В те годы одной из школьных проблем была «проблема горячих завтраков». Конечно, в 1933 году, при карточной системе, их и в помине не было. Нам приносили на деревянном лотке коржики – каждому по одному. Девочки старались отломить часть своего коржика Юрочке, а некоторые делились с ним принесённым из дома завтраком.



*Средняя школа №1. 6-й класс. Женя Ершова первая слева в нижнем ряду.
Ашхабад. 1937*

Другая учительница, «арифметичка», одинокая суровая женщина совсем другого склада, – Елена Никаноровна. Всех своих маленьких учеников она называла по фамилиям. Как-то она пришла к нам домой с проверкой «условий быта» и увидела мой кукольный уголок.

Я не очень любила играть в куклы, но тем не менее такой «уголок» был: бабушка считала полезным этим путём приучать меня к домоводству – шить на кукол, создавать соответствующую обстановку «кукольного быта»; например, расставлять кукольную мебель, посуду, делать кукольные тетрадки и книжечки с картинками, карандаши из спичек и пр., и пр.

До сих пор помню восклицание Елены Никаноровны: «Ершова, ты ещё в куколки играешь!».

И я после её ухода сразу же разобрала кукольный уголок.

Кроме основных учительниц, у нас было два учителя по «Труду» (никакого «Домоводства» тогда не существовало): один учитель – по дереву, другой – по металлу.

Мы делали, вернее пытались делать, деревянные линейки, а значит, учились пользоваться рубанком и отвёрткой, что было очень трудно.

Занятия по «Труду» проходили в бывшем костёле. В старом Ашхабаде жили и католики, в основном немцы; были поляки и венгры.

Туркменский язык нам преподавал товарищ Аман (так он приучал нас его называть), но преподавал недолго. Позднее появился молодой, красивый, с блестящими глазами Сапар Мурадович Рахманов. Как выяснилось, потом он стал студентом вечернего отделения пединститута.

Сапар Мурадович был хорошим педагогом. Он пользовался разными приёмами обучения, в частности, сопоставлением туркменского и русского

языков. Однажды он сказал: «По-туркменски местоимение я – мен, а вот по-русски, смотрите: я-меня-мне и т.д.». Запомнить стало легко: корень мен.

Это один из ярких примеров не разгаданных языковых параллелей, которые уходят своими корнями в далёкое прошлое.

Спустя много лет, после войны, я снова встретила с Сапаром Мурадовичем. Он стал заведующим отделом языка и литературы в Туркменучпедгизе, и я принесла своему бывшему учителю подготовленную мной рукопись: «Букварь по русскому языку для туркменской школы», который выдержал потом 28 изданий.

У нас в классе было ещё два учителя по предметам с характерными для тогдашнего периода названиями-аббревиатурами: МУЗО и ИЗО.

Учитель МУЗО, пожилой скрипач, приходил на урок в чёрном костюме и с «бабочкой», что было необычно для того времени. Иногда он играл нам классические вещи, развивая нашу музыкальную культуру.

Но чаще мы пели сами хором. Это были преимущественно революционные песни, причём некоторые из них очень мелодичные.

Преподавателем ИЗО был, правда, недолго, известный художник Рувим Мазель.

В 1986 г. в Москве, на выставке «Искусство Востока», наряду с полотнами таких широко известных мастеров живописи, как Мартирос Сарьян, экспонировались и картины художников Туркмении – Бяшима Нурали «Портрет Халиджи», С. Беглярова «Туркменки» и др.; среди них были представлены также работы Р. Мазеля «Старый Ашхабад» и «Скачки»...

